

Д.В. Долгушин

Новосибирский государственный университет

Еще раз о святоотеческих мотивах в «Шинели» Н.В. Гоголя*

I

О святоотеческих и агиографических мотивах, присутствующих в повести Н.В. Гоголя «Шинель», писалось неоднократно. Впервые эта тема была поставлена в 1955 г. в книге голландского ученого Дриссена. Затем к ней обращались многие исследователи, например, Е. Reijnen, Г.П. Макогоненко, П.Е. Бухаркин, С.Г. Бочаров, В.Е. Ветловская, Л.В. Карасев, Ч. Де Лотто и др.¹.

Благодаря их работам были открыты и проанализированы межтекстуальные связи «Шинели» с житиями святых, тезоименитых герою гоголевской повести: житиями мученика Акакия (из числа сорока мучеников Севастийских) и преподобного Акакия («иже в Лествице»). При том, что образ титулярного советника Акакия Акакиевича Башмачкина нарочито снижен, можно обнаружить многое, сближающее его с этими святыми.

Родился Акакий Акакиевич 23 марта. 22 марта н.с. совершается церковная память Сорока мучеников Севастийских (среди которых почитается и мученик Акакий). Эти мученики (+320 г.) претерпевали мучения холода в замерзавшем Севастийском озере, отказываясь отречься от Христа. На берегу их мучителями была разведена баня, чтобы соблазнить их на отречение. Один из сорока бросился в нее, чтобы согреться, и тут же сгорел. Число же сорока восполнил один из стражников. Акакий Акакиевич тоже страдает от холода. Но в отличие от мученика Акакия он не выдерживает испытания. Функциональным аналогом бани в повести выступает шинель на теплой подкладке. Она поработила его себе: из-за страсти к ней он гибнет.

Еще более интересны и показательны интертекстуальные связи между «Шинелью» и житием преподобного Акакия, подвижника, о котором рассказывается в 4 главе столь любимой Гоголем духовной книги «Лествица». Этот подвижник жил в VI в. в одном из монастырей Синая. Он был послушником у жестокого и нерадивого старца, который часто ругал, попрекал и даже бил своего ученика. Святой Акакий переносил все терпеливо и безропотно, видя в этом крест, который ему надлежит нести на пути ко спасению. Акакий Акакиевич тоже со смирением несет крест своей службы в департаменте. Он отрешен от всего земного, по-евангельски не заботится о том, «что есть и во что одеться» (ср. Лк. 12, 22), незлобив, кроток, не держит зла на своих обидчиков, со смирением переносит насмешки и даже прямые издевательства, и все это не из душевной тупости – иногда в нем проявляется такая сила человечности, которая может поразить даже самих насмешников. И вот, Гоголь показывает, как к этому человеку приходит искушение – мысль о необходимости новой шинели, внушенная ему портным Петровичем, фигура которого нарисована Гоголем в мрачных, inferнальных тонах.

¹* Работа поддержана РГНФ (грант 04-04-110а).

Указания на литературу вопроса можно найти в библиографическом справочнике: [Христианство..., 2002]. Произведения Н.В. Гоголя цитируются по: [Гоголь, 1994]. Римская цифра указывает том, арабская – страницу.

Идея эта, принятая Акакием Акакиевичем не без некоторой борьбы, постепенно захватывает его. Он мечтает о шинели, воображает ее, шинель становится для него вождеденной. Он лишается беззаботности и нестяжательности, начинает копить деньги, для этого идет на подвиги воздержания и самоограничения. «Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкнуть к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад; даже он совершенно научился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу» [III, 120]. Образ брака, который применяет здесь Гоголь, используется в святоотеческой письменности в качестве символа единения Христа и человеческой души (душа – невеста, Христос – ее Небесный Жених). В жизни Башмачкина происходит страшная подмена. Лжеподвижничество, лжепостничество Акакия Акакиевича приводит к тому, что, в отличие от синайского подвижника, его душой обладает не Христос, а «шинель на толстой вате». Мысль о ней делается для него «вечной идеей». Он становится одержим шинелью.

И в житиях, и в «Шинели» описана ситуация искушения, духовного испытания. Если мученик Акакий и преподобный Акакий выходят из нее победителями, то Акакий Акакиевич терпит поражение. Мотив искушения – один из главных в житийной литературе. Не потому, что представляет собой «общее место», «литературный штамп», но потому что отражает закономерность духовной жизни, отмеченную еще мудрецами Ветхого Завета: «чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение» (Сир. 2, 1), – говорит один из них. Вошедшее в мир зло, исказившее природу человека, делает неизбежной «невидимую брань» против «духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12), подвиг, которым нужно подвизаться, чтобы достигнуть спасения. Всякое житие есть описание борьбы, увенчавшейся победой, это история со счастливым концом, история того, как сила Божия совершилась в немощи человеческой. «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды» (2 Тим. 4, 7-8), – говорит апостол Павел. В этом смысле «Шинель», повторим, – история не победы, а поражения. В «Шинели» зло торжествует над человеком, оно побеждает Башмачкина – причем побеждает его через *вещь*.

II

В.Н. Топоров справедливо указывает, что «Гоголь так широко раскрыл дверь для вещей, как никто не делал этого в русской литературе ни до него, ни после» [Топоров, 1995, с. 101]. Отношение человека к имуществу, к богатству, проблема «праведного хозяйствования» – важнейшие темы Гоголя 1840-х годов. Стремление к роскоши рассматривается им как главное зло современности, как болезнь и «язва России»¹. Этой-то именно болезнью и оказывается заражен и умерщвлен Акакий Акакиевич. Может быть, не случайно и то, что человека, соблазненного Башмачкина на роскошь, зовут Петровичем – Гоголь связывал проникновение в

¹ Гоголь призывает к борьбе с этим злом. Так, например, в XXI главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» («Что такое губернаторша (Письмо к А.О.С.)») Гоголь пишет А.О. Смирновой-Россет: «...Гоните роскошь (покамест нет других дел), уже и это благородное дело, оно же притом не требует ни суеты, ни издержек. Не пропускайте ни одного собрания и бала, приезжайте именно затем, чтобы показаться в одном и том же платье; три, четыре, пять, шесть раз надевайте одно и то же платье. Хвалите на всех только то, что дешево и просто. Словом гоните эту гадкую, скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас есть» [VI, 93].

Россию морового поветрия роскоши с реформами Петра I¹. Но проблема роскоши – лишь частный случай другой, более важной (в сущности, религиозно-аскетической) проблемы – отношения человека и вещи.

Суть духовной катастрофы Башмачкина состоит в порабощении его вещью. Отношение Акакия Акакиевича к вещи до его «падения» – инструментальное. Он живет как бы «мимо вещей». Он не замечает их, как не замечает вкуса шей и куска говядины с луком, которыми подкрепляется вечером, съедая их пополам с мухами. Характерно, что он живет и «мимо слов», ведь вещи – это субстантивированные слова, вещи – одновременно и существительные. Для Акакия Акакиевича слова распадаются на буквы: во время письма он ждет встречи с любимыми буквами-«фаворитами»², а устно, как известно, изъясняется «большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения». Но когда Башмачкин увлекся шинелью, ему открылась ее «вечная идея» – и в этом сниженном платонизме выражается пленение Акакия Акакиевича.

Поставленная Гоголем проблема (отношение человека к вещи) – важнейшая тема христианской аскетики. Она обозначена, например, в словах апостола Павла: «все мне позволительно, но не все полезно, все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12) и в ветхозаветном изречении: «богатство, аще течет, не прилагайте сердца» (Пс. 61, 11). Как достичь бесстрастного отношения к вещи и, обладая ею, не быть обладаемым от нее?³ Для решения этой задачи необходимо духовное усилие и духовный труд. Пример такого рода духовного труда можно найти в книге, которая, как и «Лествица», на протяжении столетий была учебником христианской жизни. Эта книга – «Душеполезные поучения аввы Дорофея». У нас нет данных, была ли она известна Гоголю в период работы над повестью. Как и «Лествица», книга аввы Дорофея является классикой духовно-аскетической литературы, поэтому вполне вероятно, что книги эти вошли в кругозор Гоголя одновременно, на рубеже 1830–1840-х годов. Славянский перевод книги был издан впервые в 1628 г. Памвой Берындой в Киево-Печерской Лавре, затем неоднократно переиздавался⁴. В середине сороковых годов книга аввы Дорофея была Гоголю уже точно известна. В его записной книжке 1841–1846 г. среди записей названий духовной литературы, есть и запись: «Авву Дорофея», иногда с<мотреть>⁵ [VIII, 425].

¹ О «петровской» теме в петербургских повестях см., напр., в комментариях В.А. Воропаева и И.А. Виноградова (VI, 474-475).

² «В лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» [III, 111-112].

³ Чтобы почувствовать суть этой духовной проблемы, воспользуемся рассказом нашего современника Митрополита Антония Сурожского. Он описывает следующий случай, произошедший с ним, когда он, уже принеся монашеские обеты, проходил службу в армии. «Как-то вечером в казарме я сидел и читал; рядом со мной лежал карандаш вот такого размера, с одной стороны подточенный, с другого конца подъеденный, и действительно соблазняться было нечем: и вдруг краем глаза я увидел этот карандаш, и мне что-то сказала: ты никогда больше за всю жизнь не сможешь сказать – это мой карандаш, ты отрекся от всего, чем ты имеешь право обладать... И (вам это, может быть, покажется совершенным бредом, но всякий соблазн, всякое такое притяжение есть своего рода бред) я два или три часа боролся, чтобы сказать: да, этот карандаш **не мой** – и слава Богу!.. В течение нескольких часов сидел я перед этим огрызком карандаша с таким чувством, что я не знаю, **что бы** я дал, чтобы иметь право сказать: это мой карандаш. Причем практически это был мой карандаш, я им пользовался, я его грыз. И он не был мой, так что тогда я почувствовал, что не иметь – это одно, а быть свободным от предмета – совершенно другое дело» [Антоний, митрополит Сурожский, 1994, с. 44].

⁴ См.: [Преподобного отца..., 1995, с. III].

В начале книги аввы Дорофея рассказывается об одном из учеников подобного Дорофея по имени Досифей⁶ и о том, как Дорофей учил своего послушника свободе от привязанности к вещи. Речь идет, как и у Гоголя, об одежде.

Никогда авва Дорофей не позволял ему иметь пристрастие к какой либо вещи или к чему бы то ни было; и все, что он говорил, Досифей принимал с верою и любовью, и во всем усердно слушал его. Когда ему нужна была одежда, авва Дорофей давал ему ее шить самому, и он уходил и шил ее с большим старанием и усердием. Когда же он оканчивал ее, блаженный призывал его и говорил: «Досифей, сшил ли ты одежду?» Он отвечал: «да, отче, сшил и хорошо ее отделал». Авва Дорофей говорил ему: «поди и отдай ее такому-то брату или такому-то больному». Тот шел и отдавал ее с радостию. Блаженный опять давал ему другую, и также, когда тот сшивал и оканчивал ее, говорил ему: «отдай ее сему брату». Он отдавал тотчас, и никогда не поскорбел и не пороптал, говоря: «всякий раз, когда я сошью и старательно отделаю одежду, он отнимает ее от меня и отдает другому», но все хорошее, что он слышал, исполнял с усердием.

Как видим, Акакий Акакиевич проходит сходный искуc. Так же, как и св. Досифею, ему не по своей воле приходится расстаться с уже «сшитой и старательно отделанной» шинелью. Однако, в отличие от св. Досифея, он настолько пленен вещью, настолько «прилепился» к ней, что потеря шинели лишает его жизнь смысла – он умирает, но и после смерти не может освободиться от шинели и призраком скитается по Петербургу для мести и грабежа. Кажется, что сходство мотивов и доступность Гоголю этого текста позволяет поставить вопрос о книге аввы Дорофея как об одном из возможных источников «Шинели».

III

Обратим теперь внимание на мотив одежды сам по себе. Ведь на месте шинели могла бы быть другая вещь – почему же именно шинель, почему, например, не лепажевское ружье становится героем повести Гоголя?

Одежда является религиозным символом. По выражению Г.К. Честертона, «одежда – это облачение, человек носит его потому, что он – жрец» [Честертон, 1991, с. 118-119]. В Священном Писании и Церковном Богословии данный символ относится не только к человеку. «Одейся светом яко ризою» (Пс. 103, 2), «Господь воцарися, в лепоту облечеса, облечеса Господь в силу и препоясая» (Пс. 92, 1) – эти и подобные речения Церковное Богослужение относит к Богу. Одевание Божества – это Нетварный Свет, Божественные энергии, явление Его во-вне.

⁵ Заметим, что «иногда смотреть», т.е. время от времени перечитывать, книгу аввы Дорофея было принято в оптинской традиции, с которой так близко соприкоснулся Н.В. Гоголь. Поступавшим в Оптину пустынь послушникам эта книга предлагалась для обязательного чтения. Преподобный Амвросий Оптинский писал, что ее «по справедливости называют зеркалом души. Зеркало это покажет каждому не только его действия, но и самые движения сердечные» [Собрание писем..., 1908, с. 102]. Преподобный Макарий (Иванов), с которым близко общался Н.В. Гоголь во время своих посещений Оптиной пустыни, по свидетельству Преподобного Варсонофия (Плиханкова) «через каждые три года перечитывал Авву Дорофея и Лествицу и находил все новое и новое, ибо рос духовно». Такой же совет – каждые три года перечитывать эти книги – Старец Варсонофий дает и своему послушнику будущему старцу Преподобному Никону (Беляеву) [См.: Дневник последнего старца, 1994, с. 175]. В Оптиной пустыни книга аввы Дорофея и была переведена на русский язык иеромонахом Климентом (Зедергольмом) [см.: Леонтьев, 1997, с. 39].

⁶ Это повествование называется «Сказание о блаженном отце Досифее, ученике святого аввы Дорофея». Сказание о св. Досифее могло быть известно Гоголю и из Миней Свт. Димитрия Ростовского (запись в записной книжке 1841–1846 гг.: «Четьи-Миней 12-ть» [VIII, 424]).

Но поскольку «нет сущности без энергии» [Мейендорф, 1997, с. 293], то такого рода одеяние есть и у человека. В Апокалипсисе о мучениках за Христа, которые, как светила, воссияли в Царствии Божием, говорится, что они облечены в белые одежды. Одежда является как бы продолжением, обнаружением человека. Благодать, которую стяжали святые, освящала не только их души и тела, но и одежду¹.

Тема «одеяния души» часто используется в Церковном Богослужении. Например, она занимает важное место во второй песне Великого покаянного канона Андрея Критского, читаемого Великим Постом². Но, пожалуй, наиболее подробно и ярко эта тема развивается в песнопении, которое поется в церкви в первые три дня Страстной Седмицы: «*Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, но одежды не имам, да вниду в оны. Просвети одеяние души моя, Святодавче, и спаси мя!*» (эзапостиларий). Этот несомненно известный Гоголю богослужебный текст основан на притче из 22 главы Евангелия от Матфея. Царствие Божие в ней уподобляется свадебному пиру, с которого изгоняется пришедший туда не в брачной, т.е. не в подобающей одежде.

Как известно, облачившийся в новую шинель Акакий Акакиевич, подавшись уговорам сослуживцев, тоже отправляется на пир, или, вернее сказать, на вечер, который устраивает чиновник из его отделения. И в этом травестийном параллелизме обнажается трагедия Акакия Акакиевича: одеянием его души, его «брачной одеждой» становится шинель, а вместо пира Царствия Божия он идет на чиновничью пирушку.

Литература

Антоний, митрополит Сурожский. О встрече. СПб., 1994.

Блаженный Старец Паисий Святогорец. Слова. Т. 1: С болью и любовью о современном человеке. Пер. иером. Доримедонта (Сухинина). Салоники – М., 2002.

Гоголь Н.В. Собрание сочинений в девяти томах / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М., 1994.

Дневник последнего старца Оптиной пустыни иеромонаха Никона (Беляева). СПб., 1994.

¹ Ср. свидетельство нашего современника, афонского старца Паисия (1994 г.): «Внутренняя душевная красота духовно красит и освящает человека даже внешне, посредством божественной Благодати она выдает его другим. А, кроме того, она украшает и освящает даже ту некрасивую одежду, которую носит исполненный Благодати человек Божий. Батюшка Тихон сам толстой иглой шил скуфейки из обрывков рясы. Эти скуфьи были похожи на какие-то кульки, но он носил их, и они излучали многую Благодать. Какую бы одежду ни надевал Старец – старую или мешковатую, она не выглядела некрасивой, потому что своей внутренней душевной красотой он делал красивой и ее. Как-то раз один посетитель сфотографировал Старца в том виде, как его застал, – с кулком вместо скуфьи на голове и в какой-то пижаме, которую он накинул ему на плечи, видя, что батюшка мерзнет. И сегодня те, кто смотрит на эту фотографию, думают, что Старец носил архиерейскую мантию, а ведь это была всего-навсего старая пестрая пижама. Даже к лохмотьям отца Тихона люди относились с благоговением и брали их себе в благословение» [Блаженный Старец Паисий Святогорец, 2002, с. 296-297]. Ср. также рассуждения священника Павла Флоренского в «Иконостасе» [Флоренский, 1996, с. 487-488].

² В тропарях этой песни вспоминается, что первозданный человек был облачен в одеяние славы, благодати. Грехом он уничтожил его, обнажив себя: «Раздрах ныне одежду мою первую, иже ми изтка Зиждитель изначала, и оттуду лежу наг». Теперь человек одет одеждой греха, запятнанной и оскверненной: «облекохся в раздранную ризу, юже изтка ми змий советом, и стыждуся», «сшиваше кожанья ризы грех мне, обнаживый мя первая боготканья одежды».

Леонтьев К. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни. М., 1997.

Мейендорф Иоанн, прот. Жизнь и труды св. Григория Паламы. СПб, 1997.

Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. М., 1995 (репринт изд. 1900 г.).

Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Сергиев Посад, 1908.

Топоров В.Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

Флоренский П.А., священник. Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М., 1996.

Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиографический указатель. 1800–2000 / Сост. А.В. Дмитриев, Л.В. Дмитриева. СПб., 2002.

Честертон Г.К. Вечный человек. М., 1991.